

Несахар Несахар
Колючки иголки

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Несахар Н.

Колючки иголки / Н. Несахар — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Это книга – о тех, кто плакал и не стеснялся этого. О тех, кто терял и совершал ошибки, кричал от боли и выл от бессилия. О тех, кто не научился говорить и слышать, верить и любить, видеть и не молчать...

Это книга – о тех, кто плакал и не стеснялся этого. О тех, кто терял и совершал ошибки, кричал от боли и выл от бессилия. О тех, кто не научился говорить и слышать, верить и любить, видеть и не молчать...

Последний из последних(1).

Это было в конце прошлого века. В одной из центральных газет, страны, которой уже нет, был большой очерк известного охотоведа о волках. Статья была не только большой по объёму, но и очень интересной по написанию с примерами из личных наблюдений и случаев. В ней он подробно и популярно объяснял читателям о том, что настоящих волков в живой природе остались единицы, всю остальную массу живущих нельзя уже считать такими. Вот к примеру, в настоящее время выследив и найдя нору с волчатами, можно не опасаясь вытащить их от туда и спокойно уйти. Волчица, находясь даже рядом, вида не подаст и не сделает ничего чтобы остановить человека. Обмельчал зверь. А ведь ещё не так давно, так просто это не возможно было сделать. Самка, до последней капли крови, до последнего вздоха будет защищать своих детёнышей. И пока не убьёшь её к норе дорогу забудь. А если тебе повезло забрать их, когда она охотилась в поисках добычи и не была рядом... То знали, что обязательно придёт, придёт и найдёт дом откуда пришли те кто это сделал. Перегрызёт всю живность не пощадит не кого, пока не отомстит за своё потомство. И долго будет выть оплакивая свою потерю, наводя ужас на всех собак сидящих на цепи. А потом с какой-то не охотой в голосе расскажет и о своей последней встрече с волком. О том, как долго выслеживали, искали и нашли таки нору. Огляделись и поняли, что никого рядом нет и его напарник срубив молодую осинку начнёт с нею подходить к норе. И в этот момент почувствовав, что-то не ладное, сам он снимет ружьё с предохранителя... Ведь из кустов выскочет, нет скорее вылетит мать волчица с горящими и злыми глазами и распахнутой пастью, готовой к своей последней битве. Он во время успеет выстрелить, потом ещё раз. Она молча завалится на бок, а они не ожидав такого поворота событий замрут покрывшись потом и страхом. Как перезарядив ружьё, он подойдёт к её остывающему трупу и удивится, что уж больно стара она, и что с подвигло её вновь на материнство? Как чем-то ощутив, осознав потерю матери заскулят и за воют волчата. Как потом он неоднократно себя будет проклинять и корить, что согласился пойти на эту охоту. И, что это была единственная в его жизни волчица, которой он выроет могилу и похоронит. Темно было за окном. Ещё бы, на улице зимняя ночь. Только ярко-ярко с неба светили звёздочки, да свет с замёрзших уличных фонарей с трудом пробивался наружу.

Ей не спалось. Стояла у окна и смотрела на улицу, заодно подмечая какие-то детали. Вот в очередной раз промчалась машина, это днём они ездят по правилам, ночью же забывают о них и именно летают по городу. В соседних домах в окнах тоже не было света, люди спали или делали вид, что спят. Тишина.

Стоять надоело, тихонечко подошла к столу и села. Устала она от этой жизни, ох, как устала. Думала, выйдет на пенсию и заживёт тихой спокойной жизнью. А не получилось. Теперь ни жизни, ни спокойствия – сплошная каторга. Не этого она хотела, не об этом мечтала...

Приехали они с мужем на заработки давно. Это теперь её с уверенностью можно назвать старожилом города. А тогда таких, как они, много было -молодых, уверенных покорителей Севера. Вот только сейчас практически никого не осталось, словно ветер сдул их куда-то, а они зацепиться не смогли, вот и разлетелись. По пальцам пересчитать можно тех, с кем когда-то работали вместе, жили рядом в вагончиках. С кем в болотных сапогах ходили по будущему городу, костры жгли, чтобы еду приготовить, машину дожидаться, чтобы воды набрать. Нынешним этого не понять, да и не об этом сейчас речь. Совсем не об этом.

Здесь и сын у них родился. Долгожданный, любимый! Стала полноценная семья. Муж всю жизнь водителем на месторождении проработал, а она старшим специалистом в отделе кадров. Детский сад, школа, а потом и университет... Всегда ей хотелось, чтобы сын её не хуже других выглядел. Был одет и обут по моде, а когда в старшие классы перешёл и вещи хорошие

имел. Рос он в полном достатке, как ей казалось, и ни в чём не нуждался, всё у него было. Учился неплохо, спортом занимался и даже на разные соревнования уезжал, грамоты и призы привозил. Вот они и просто рады были, что всё у него хорошо складывается. Да видно за этой радостью и успехами, просмотрели что-то и не заметили, а заметить в то время – всё можно было бы изменить. Да только за повседневной суетой и какими-то вечными хлопотами не углядели, проморгали. Главным ориентиром тогда школа была, а её без повода туда не вызывали, на родительских собраниях ничего дурного про ребёнка не говорили. Вот и не было никаких сомнений и плохих мыслей.

Скорее всего это началось в последнем классе. Стала молодёжь собираться по вечерам у них в подъезде, и сын с ними. Большая орава мальчишек и девчонок. Шумно так себя вели и не стеснялись в выражениях, вот соседи и стали жаловаться. Поговорила она с ним и ведь ушли, исчезли куда-то. Теперь если кто и появлялся, то только сын с друзьями, но стояли тихонечко и никто даже слово плохого не мог про них сказать. До позднего вечера мог торчать с ними в подъезде. Стала одежда попахивать табаком, так он ведь спортсмен, а запах – так это друзья курят. А иногда по праздникам стала улавливать и запах алкоголя и опять находила себе оправдание: так ведь бутылочку пива выпили, от пива-то никто не спивается. Главное чтобы сейчас школу хорошо закончил и в институт поступил, – думала так, как и все матери его класса. Да, наверное не только класса, а всех выпускников.

Закончил, поступил, уехал учиться. Теперь приезжал только на каникулах и всё это время встречался с кем-то. После встреч этих домой возвращался пьяный, а иногда и вдребезги, несколько раз друзья приносили. Правда, молча заходил, раздевался и спать ложился, без каких-либо разговоров и концертов. Отцу, видимо, надоело это и как-то раз поговорил он с ним на эту тему, по-отцовски, по-мужски. Её при этом разговоре не было, а когда пришла, поняла всё сразу. Притих сын, дней пять вообще из дома не выходил, уж больно следы разговора на лице видны были. Да только недолго продержался. Теперь выходил в подъезд, спускался на два этажа ниже, а там ждали уже ждали. Домой приходил, только тогда когда был уверен, что отец спит. И снова в голове у неё одно вертелось – главное, институт закончить. А что пьёт – так все пьют. Он ведь не алкаш какой-то, учится, устаёт, а на каникулах можно.

Отучился. Приехал, они стол накрыли. Столько народу собралось отметить это событие. Душевно так посидели, нынче такое редко за столом бывает. Все их друзья и знакомые по-настоящему и по-человечески радовались за них. Ещё бы, вырастили и выучили, осталось только на работу пристроить. А там жить и ждать, когда женится да внучата по квартире забегают. Как-то быстро и как ни странно сын сам нашёл себе работу, устроился. Да так удачно! В крупное финансовое учреждение – сам, без разного рода блата. И оклад хороший, да и хвалить как специалиста стали. Вот, казалось бы, что ещё нужно, работой и добивайся всего.

Теперь каждое утро, чисто выбритый, наглаженный и пахнувший дорогим парфюмом, уходил трудиться. Приходил на обед, вечером возвращался домой. Всё бы хорошо, да вот каждую пятницу продолжал стоять с друзьями в подъезде и пил пиво. Что только она ему по этому поводу не говорила, как только не ругала – не слышал он её и всё продолжалось. И опять она находила оправдание этому – ведь выходные наступают, и завтра на работу не идти. А то, что соседи говорят? Так соседи завидуют, вот и несут разную несусветную чушь. Вот только, поднимаясь, домой, вести он стал себя не так, как раньше, какая-то агрессия появилась и в словах, и в действиях. А однажды...

Пришёл вот так же домой и стал так громко звенеть посудой, что отец не выдержал и сделал ему замечание. А тот в ответ, словно ожидая от него такой реакции, кинулся драться. Не ожидала она такого поворота. Бросилась разнимать, крича на всю квартиру, и с большим трудом развела их по комнатам. Сильно он порвал мужу губу, так, что на следующий день поехали они больницу её зашивать. А когда возвращались, сказал он тогда ей: Не справлюсь я с ним больше, зря только деньги тратили и учили, не выйдет из него ничего. Нужно было в

армию отправить, а после на машину и работал бы водителем. А она в ответ: Да ты чего? Придём сейчас домой, помиритесь, вдвоём посидите, мировую выпьете, всякое в жизни бывает. Пьяный он был, не помнит ничего!

Пришло время. Сначала она, а потом и муж вышли на пенсию. Да вот только на пенсии-то долго он не успел пожить. Поехал на рыбалку и не вернулся, утонул. Сколько слёз она выплакала, сколько страданий испытала, пока его в реке искали, но нашли, нашли и похоронили. Со временем памятник мраморный поставили, и не забывали, навещали, следили. В общем, всё как у людей. И стали они теперь жить вдвоём. Сын так же работал, а она дома сидела и как-то стала втягиваться в жизнь женщины-пенсионерки. Стала заготовки на зиму готовить, разные салаты и прочие домашние радости. Даже какое-то удовольствие и счастье испытывала от этого занятия. А ведь раньше, попробуй, заставь, вообще не замечала за собой такой склонности. А теперь так радовалась новым рецептам, кулинарным хитростям, словно маленькая девочка игрушкам. Всё бы ничего, да только пить сын стал теперь гораздо чаще. Теперь мог в любой день после работы набрать пива, вызвонить друзей и стоять пить. А она всё никак не могла понять, откуда у него это? Миллион раз задавала себе этот вопрос и не могла найти ответ. По несколько раз перебрала всех родственников с обеих сторон, но не было пьющих. Не было пропойц и горьких пьяниц, не было.

Не торопясь встала, взяла ковшик и отправилась в ванную. Всё ещё по старинке, не доверяя покупной и очищенной воде, что продают в больших бутылках, зачерпнула ковшиком из своего чана. Она всю жизнь так делала: в стоящий в ванной большой чан набирала холодную воду тоненькой струйкой, давала пару дней отстояться, а потом пользовалась ею. И ведь метод этот был действенен. Наполнила и включила чайник кипятиться. Сама же в это время достала свою кружку, из холодильника вынула молоко и уселась обратно, ожидая, когда чайник закипит. По привычке включила телевизор, пытаясь что-то уловить, но вот только не этим была занята сейчас ее голова. И он скорее служил дальним фоном, а не источником информации.

Сорок три дня назад в очередной раз беда пришла в её дом.

Была суббота, время шло к обеду. Она сидела дома одна и чем-то занималась, сейчас и вспомнить не могла – чем конкретно. Сначала раздался громкий стук, а потом кто-то шумно распахнул дверь. Она про сына подумала, что опять пьяный пришёл, но в прихожей стояла соседка со второго этажа. Подбежала, схватив её за руку, и, причитая, заголосила: Пошли, пошли скорее, там сын твой в подъезде лежит и голова вся в крови! За доли секунды она пулей спустилась и оказалась рядом с лежащим сыном. Действительно, вся голова в крови, что-то мычит и пытается сказать, а не получается. С большим трудом затащили его в квартиру и уложили на диван. Он скрючился в какую-то неестественную позу и вроде затих. Скорую надо вызывать, – произнесла соседка, – да ты посмотри, его же пинали, – указывая рукой на его пальто. Действительно, дорожущее пальто, которое он купил в конце лета, с пятнами крови и чёткими отпечатками подошв чьих-то ботинок указывало на это. Их увезли вместе, её – как сопровождающую, его – как пациента. Сына мигом переложили на каталку и повезли куда-то по широким, белым коридорам. Позже подъехала милиция, вернее полиция, и там она дала первые показания. Уверенная в том, что всё будет хорошо и вечером его можно будет зайти и проведать, тихонечко отправилась домой. Шла и про себя ругала его, ведь пьяный уже был и, судя по запаху, хорошенько успел напиться. А подрался с кем? Ведь середь бела дня, где?! С этими мыслями и зашла домой.

Стала собирать туалетные принадлежности. Основательно и по-хозяйски складывала в пакет всё то, о чём ей сказала медсестра: кружку, ложку, аккуратно обматывая всё полотенцем. И тут раздался телефонный звонок из больницы: Принести пакет можете, вот только встретиться не получится, прооперировали его, самочувствие в норме, а вот завтра в палату пропустим, завтра же и с врачами поговорить можно будет. Теперь она сама зашла к соседке, вместе отнесли вещи в приёмный покой, по дороге обсуждая, что могло произойти и кто это мог сде-

лать. Ничего конкретного предположить не смогли, расстались на своей лестничной площадке с верой, что всё обойдётся и скоро сын поправится.

На следующий день прямо с утра вновь отправилась по уже знакомой дорожке. Прошла в ординаторскую и, как ни странно, сразу, без ожидания, встретила с лечащим врачом. Тот сразу понял, о каком пациенте пойдёт речь и говорить начал тоже сразу, без лирических вступлений. Значит, удалили ему почку ввиду того, что она из себя ничего не представляла, потому что из-за нанесённых ударов превратилась в лохмотья, а вот селезёнку спасти удалось, прооперировали и зашили. Состояние соответствует тому, которое и должно быть после подобного хирургического вмешательства. Больной пришёл в себя и находится в палате. На тот момент она ещё не поняла, что же произошло на самом деле. Первое, что мелькнуло в голове, что живут же люди с одной почкой и ничего. Попросила увидеть сына, доктор без колебания разрешил, но не более двадцати минут. И её под присмотром медсестры пропустили в палату.

Палата была рассчитана на троих больных. Сын её лежал посередине. Его соседи поздоровались и тихонечко вышли, оставив их наедине. Он лежал с перевязанной головой, с закрытыми глазами, а из-под одеяла торчали прозрачные трубочки, которые были спаяны с такими же небольшими ёмкостями, стоявшими на полу. Сыночек, сыночек, – погладив по руке, позвала она его. Он открыл глаза и стал смотреть на неё. Тебе, наверное, больно, не говори ничего, лежи... В ответ он почему-то шёпотом произнёс: Здравствуй, мама. И, не моргая, продолжал внимательно смотреть на неё. Ты прости меня, – всё так же шёпотом продолжил он, – прости... не слушался я тебя. Из глаз его потекли слёзы. И у неё брызнули и градом потекли по лицу. Ведь миллион раз говорила тебе, не пей, не пей! Не лежал бы сейчас здесь, – так же тихо, сквозь слёзы отвечала она. Всё молчу, молчу, не то я, наверное, сейчас говорю. Всё хорошо будет, полежишь, поправишься, – продолжала она, при этом не переставая гладить его руку. Мама, жить то как хочется и умирать не хочу... Она перебила его: Да ты что такое говоришь! Обязательно будешь!..

Но договорить им не дали. Видимо, услышали разговор и в палату зашёл сам доктор: Я Вам зачем разрешил пообщаться, чтобы Вы пациенту настроение подняли, а Вы что делаете? Нельзя ему волноваться! И, обращаясь к ней: Всё, свидание окончено, придёте вечером в часы приёма. Она тихонечко привстала со стула, поцеловала его, вечером приду, жди. В он ответ только глазами моргнул и они вышли вместе с врачом.

Да только не суждено было этому случиться. Он умрёт, не дожив несколько часов до положенного свидания. Об этом она узнает от больничного дежурного, который с десятого раза смог дозвониться до неё, чтобы сообщить это трагическое известие. А она в это время разговаривала с дальними родственниками, рассказывая им, что случилось с сыном.

Трудно, скорее невозможно передать, донести, излить то, что она почувствовала в тот момент. Как в голове крутилось, что это может ошибка, перепутали. Как сознание цеплялось за каждую мелочь, пытаюсь доказать обратное. Тщетно. Случилось то, что случилось. Через какое-то время она соберётся, умоется. Тщательно скроет на лице остатки боли и пойдёт переодеваться. Наденет всё чёрное, вызовет такси и поедет к моргу.

Сами похороны, собрание каких-то бумаг и другие моменты она толком не запомнила. Единственное, о чём попросила, чтобы похоронили рядом с отцом – благо место свободное было и была возможность это сделать. Как и не показала на людях ни одной слезинки, как и ни один мускул не дрогнул на лице даже тогда, когда гроб с сыном опускали в землю. Только повернула голову к могиле мужа и с отчаяньем так сказала: Вот и сына к тебе привезла, рано правда, ты уж присмотри за ним... и замолчала... Всю боль держала в себе, внутри плакала и кричала, выла от безысходности и каталась по земле, но никто этого не увидел и не услышал. Позже за поминальным столом пришедшие подметят, что взгляд у неё стал какой-то жёсткий, а сама она превратилась в кусок стали, холодный и бесчувственный.

Полиция в лице следователя напомнила о себе через некоторое время, видимо понимая, что не до них ей было. Но время идёт, у них работа, дело закрывать нужно. Вызвали к себе и она приехала в назначенный день и час. Ещё молодой, но уже бесформенный следователь очень фальшиво пытался общими заученными фразами выразить своё соболезнование. Она сухо прервала его: Теперь уже не вернёшь, давайте говорить по делу. И вот здесь её ждал сюрприз -двадцатиминутный отрывок съёмки камеры видеонаблюдения. Сверху экрана выставлена дата и время и... Ещё живой сын и всё то, что произошло... Смотреть на это всё долго она не смогла. Выключите, – обратилась с просьбой к следователю. Далее ответила на все его вопросы, подписала бумаги и вышла. Села в маршрутку, но не доехала до своей остановки, вышла и продолжила путь до дома пешком. Шла и прокручивала в голове увиденные моменты: вот он лежит, его пинают, а рядом проходят люди и ни один не пытается разнять и остановить, а ведь у всех телефоны, но никто даже позвонить не решается, просто смотрят, смотрят и проходят мимо. А ведь это всё происходит днём, на глазах у всех и, самое обидное, рядом с их домом.

Никогда она не считала себя националисткой и в жизни своей не позволяла себе отзывать о людях другой нации плохо. Но теперь что-то сломалось. Вспоминая, как этот горец сзади подбегает к сыну, сбивает его с ног и начинает яростно пинать ногами по лежащему; сын хватается за бок, пытается встать, а тот разбегается и снова пинает, видя, что тот уже лежит пластом. Да разве человек он?! Откуда-то добавилось сил и энергии, быстрым шагом, почти бегом направилась к его месту работы, моля всех богов, чтобы он оказался на месте. Не вошла, а ворвалась, тот стоял за прилавком и говорил по телефону. Видимо, её ему кто-то показал и он начал мямлить соболезнования... Заткнись животное! -очень громко и чётко произнесла, глядя ему в глаза. Ты кому это так сказала! -на «ты» начал он орать ей в ответ. А ведь ты действительно животное, – уже спокойным голосом продолжила она и, понимая, что всё это бесполезно и бессмысленно, развернулась и пошла к выходу. Остановилась на мгновение и спросила: А у вас это принято – на человека только сзади нападать?

Уже находясь дома, в который раз ругала себя за то, что поддалась на эмоции и пошла посмотреть на того, кто это сделал. Да вот только материнские слёзы и боль сильнее разума и это даже, наверное, лучше, что увидела его здесь, чем на суде. Именно здесь выплеснула всю злость и ненависть, один на один, в глаза, а не в присутствии посторонних зевак.

Пытаясь отвлечься, включила телевизор и, как назло, главная новость – о шумной свадьбе кавказцев в столице. Со стрельбой в воздух и танцами. И в очередной раз бессилие или нежелание сотрудников органов внутренних дел задержать наглецов. Сделав якобы раскаянные лица на камеру, те садятся в машины и спокойно уезжают. Она была далеко неглупым человеком и этот сюжет вновь заставил её задуматься. Почему у себя на Родине они заботливые и добрые сыновья, набожные, хозяйственные и трудолюбивые. А приезжая сюда -пьют, курят, сбиваясь в стаи бродят по городу, и постоянно, как где драка – они её активные участники. Так где всё-таки они настоящие – здесь или там, рядом с домом? Сильно запала ей в голову эта мысль, с ней и уснула.

Из дома она теперь выходила очень редко, только по надобности. Отключила домашний телефон, дверной звонок, звук у мобильного. Раз в два-три дня брала его в руки, просматривала, кто звонил и если это были близкие люди, перезванивала сама. Да и сами разговоры эти были короткими, по-военному отвечала, что жива, что всё у неё в порядке и, сославшись на недомогание, опускала трубку.

В этот день с самого раннего утра отправилась она за хлебом. И уже выйдя из магазина, увидела приближающегося к ней соседа-пенсионера, безобидного и тихого алкоголика. Она, как и многие её соседи, выручала его мелочью, когда тому не хватало на бутылку. По привычке стала доставать кошелёк, но он остановил её: Не надо, не за этим я к тебе подошёл. Я вот, что сказать хочу, что твориться-то стало? Этого гада почему до сих пор в подвал-то не посадили?

-Так я тоже спрашивала, но следователь сказал, что не судимый он, что работает, характеристика у него хорошая и до суда опасности он не представляет. Тот замолчал ненадолго, а потом продолжил: Соседка, а если бы твой это сделал? Никто бы и не смотрел на эти характеристики, сидел бы сейчас за решёткой, а у твоего подъезда грачи, не уходя, сидели. Квартиру бы тебя заставили продать, ссуду взять и ни одна полиция, ни одни блатные тебя бы не защитили. Разве не так? Сейчас бы носилась по всем в поисках денег. – Скорее всего так оно и было бы, – призадумавшись ответила она. Ты думаешь, что его посадят, – продолжал он, – условно дадут и отпустят. Эти слова, как гром, накрыли ее всю, с головы до пят... Да ведь точно, так оно будет. – Ты ведь на поминках не был? Тот утвердительно махнул головой. Снова достала кошелек и не глядя вытащила несколько купюр: На, мил человек, помяни сына моего. Он опять замахал руками, пытаясь объяснить, что много она ему дала. Так до пенсии ещё не скоро, чего тебе потом опять побираться, помяни, хорошенько помяни, – а сама направилась к дому.

Попыхтев, чайник затих. Вскипел. Годами отточенными и привычными движениями налила себе чаю, добавила молока и не спеша стала пить. Но не допила, оставила кружку и попыталась заснуть. Немножко поворочалась и незаметно для самой себя уснула. Пусть хоть под самое утро, но сон пришёл к ней. Добрый такой сон, сон-воспоминание, где они все втроём на речке. Муж с сыном рыбу ловят, а она у костра сидит и уху варит. Ложкой в котелке помешивает и за рыбаками своими наблюдает, а те соревнуются, кто больше наловит. Проснулась с улыбкой на лице, как будто это было наяву, а не приснилось. И, как только открыла глаза, реальность вернула на место, быстро встала и направилась умываться. Из ванной вышла вся такая довольная и покрасневшая. Пригладила перед зеркалом волосы и направилась к кровати. С большим трудом, но всё же отодвинула один угол. Наклонилась и вытащила что-то завёрнутое в мешок. Вернула кровать в привычное положение, а это «что-то» аккуратно приладила к стенке и направилась на кухню готовить себе завтрак.

С самого начала семейной жизни двуствольное ружьё всегда сопровождало их. Хоть муж и не состоял в официальном обществе охотников, но по осени уезжал с мужиками в тайгу поохотиться. Возвращался в поздней темноте, но всегда приносил в рюкзаке лесную дичь, будь то пару куропаток с рябчиком или красавец-глухарь. Вместе разделявали добычу на кухне, а перья и пух она надёжно собирала и связывала, чтобы, не дай Бог, не увидели люди. Потом несла на мусорку и тихонечко выкидывала. Да и когда вдвоём ездили на болото за ягодой, это ружьё всегда было с ними. Он-то и научил её обращаться с оружием, разбирать, заряжать, да и стрелять давал, развешивая на небольшом расстоянии пустые жестяные банки. Может быть, и не сильно ей нравилось палить, но молодая была, интересно было.

Закончив завтракать, направилась в комнату, где стоял сверток. Стала разворачивать и доставать детали разобранного оружия. Их не так уж и много было, да и на память она не жаловалась и как будто под чутким присмотром мужа стала собирать, и в руке появилось охотничья двустволка. В последний раз засунула руку в мешок и вытащила коробку с патронами. Без малейшей заминки зарядила и положила ружьё на диван. Сама же направилась в прихожую, где в шкафу лежала огромная сумка, в каких раньше рыночные торгаши товар возили. Она и себе такую купила, когда сын учился, вещи ему в ней отправляла. Потом всё хотелось от неё избавиться, да забывала. Так она и лежала, а теперь вот пригодилась.

В неё она осторожно положила ружьё и поставила у входной двери. Сама же потихоньку стала одеваться, доставая из шифоньера свои праздничные наряды. Словно молоденькая, долго крутилась перед зеркалом, рассматривая себя в очередном платье или костюме, наконец определилась и, довольная, отошла.

Вся такая красивая и заметная вышла из дома, держа в руке эту сумку. В длинной норковой шубе, которую подарил сын, на руке – дорогой золотой браслет, который тоже подарил ей сын. На секундочку встала. Был воскресный день, его середина, падал лёгкий снежок, ночной мороз спал и на улице было очень много людей. Она сделала шаг и вспомнила, что так и

забыла наклеить кусочки лейкопластыря на скользкие подошвы сапог. – Но ничего, мне тут недолго идти, доберусь потихонечку, – и пошла. По дороге иногда встречались знакомые, здоровались, – некогда, некогда, тороплюсь, – очень звонким голосом, пресекая попытки постоять и поговорить, отвечала она. И продолжала свой путь.

Подошла, отдышалась и стала ждать. Сколько это было по времени, она не запомнила. Дождалась, и он появился. С такой же дерзкой и наглой ухмылочкой, демонстративно встал, закурил и уставился на неё взглядом победителя. Он не ожидал такой резвости от этой старой женщины и не смог понять, как в одно мгновение дуло ружья упёрлось ему в живот. А потом мгновенный выстрел. Громкий, как раскат грома, и точный. Ведь стреляла в упор, да и не в банки на болоте. С обоих стволов, залпом, как сказали потом криминалисты.

Кто-то закричит: «Убили! Стреляют!». А она отвернётся от убитого и будет продолжать стоять, сжимая в руках ружьё. Потом сделает несколько шагов, не обращая внимание на суету и шум за спиной, и станет любоваться падающим снегом. Огромные, пушистые, красивые снежинки не падали, а именно ложились под ноги. Не так часто можно увидеть такую картину. – Ну вот и всё, хороший мой, первый суд состоялся и мы выиграли, – мысленно обратилась она к своему сыну.

Под вой сирены подъедет полицейская машина и молоденький сержантик с автоматом в руке, начнёт кричать, чтобы она бросила оружие. Она попытается развернуться в его сторону и тут... Всё-таки плохо, а может и хорошо, что она не успела наклеить лейкопластырь, – поскользнется и начнёт падать. Служивый, решив, что она сейчас вновь начнёт стрелять, испугается и нажмёт на курок. Пули войдут в неё кучно, не оставив ни малейшего шанса, из рук выскользнет ружьё и она... не рухнет, как памятник с пьедестала, а осторожноенько, словно сильно устала и силы закончились, приляжет. Голова откинется.

... А зверей-то убивать со всем не страшно, – это последнее, что пронесется у неё в голове... И глаза закроются.

Толпа ротозеев соберётся не маленькая. Не каждый день такое случается. Сотрудники органов внутренних дел отодвинут, конечно, их подальше, но никто расходиться не будет. Подъедет практически и всё руководство местной полиции, встанут в сторонке и о чём-то будут говорить, размахивая руками и делая умные лица. Оперативники в штатском начнут снова в толпе, разыскивая свидетелей и очевидцев произошедшего. Народ же всё будет подходить и подходить, спрашивая ранее стоявших о том, что же произошло. Кто-то начнёт выдвигать свои версии, приводить доводы. И большинство будет склоняться к тому, что сын умер, похоронила и вот зачем ей после этого жить. А ведь кто-то и этого подонка, лежащего на ступенях, начнёт жалеть. Что нельзя так было делать, нужно было дожидаться суда. Всем закроет рот соседка со второго этажа. Её подруга, выжившая и заставшая ребёнком Великую Отечественную войну. Все хотят жить, и стар и млад. Все. Только жить-то нужно с высоко поднятой головой, а не ходить по улице сжав её в плечи. Да не мучиться по ночам от того, что когда нужно было человеком остаться, а не смог, струсил, испугался. Потом увидит того самого соседа-пенсионера и скажет: ну, что пойдём помянем хорошего человека, а завтра похоронами займёмся, ведь никого у неё здесь нет. И они пойдут с высоко поднятой головой, отжившие, но не забывшие, про честь и совесть, человеческие отношения и многое другое, забытое и растоптанное, стёртое и теперь уже не нужное. Оставшиеся молча будут смотреть им в след и неизвестный голос со всем не молодого человека произнесёт, а ведь действительно вымирает Россия, коли за ружьё уже старухи берутся. Все начнут переглядываться, пытаясь понять кто это сказал, но... уж больно большая и разношерстная была толпа, да и желание было сиюминутное...

Несколько страниц из его жизни...

Он остановил такси, не доезжая до конечного адреса. Молча рассчитался, забрал сумку и вышел. Серые многоэтажки были видны издалека, одна из них и была его целью. Посмотрев

на неё, он направился в ту сторону, однако близко не подошёл, а расположился на свободной лавке. Привычно вытащил сигарету, закурил и стал смотреть на дом, где всё произошло.

Смотрел пристально, словно пытаюсь всё это запомнить. Различая и откладывая в памяти тропинки, что вели к домам и именно к этому дому. Смотрел на дорогу, что подходила к подъезду. Смотрел на деревья, что росли вокруг, на забор, что огораживал дом. В очередной раз поймал себя на мысли – а ведь он здесь ходил, прикасался, оставлял следы и, быть может, с этой сосёнки рвал иголки. А может и не рвал, но она обязана помнить его, помнить молодым парнем и... живым. Молча склонил голову, задумался.

Со стороны казалось, что сидит обычный гражданин, уставший от своих забот, и отдыхает. Мимо проходили люди, ветерок гладил кроны деревьев, а где-то совсем рядом был слышен гул проезжающих машин. Был обычный, августовский вечер, самый конец рабочего дня. И именно сейчас в его голове происходила внутренняя война. Какие-то мысли о справедливости, о том, что может потом, позже, разберутся и виновных накажут. О том, что этим он не решит проблему, о том, что его уже не вернёшь. О том, что он не Бог и не вправе решать людские судьбы. Действительно, это так и он с этим соглашался. Но сколько уже воды утекло, но ни у кого не проснулась совесть, и никто не пришёл с повинной.

Выбросив окурочок, глотнул воды и вновь закурил. Левую руку положил на сумку и вновь погрузился в свои размышления. То, о чём он думал в последние годы, было рядом, на расстоянии, видимом человеческим глазом. То, что он хотел сделать, было теперь совсем близко. Но эти появившиеся сомнения заставили задуматься, и он не торопился встать и пойти. Рука лежала на сумке, и он сквозь кожу ощущал то, что там находится. Сколько же времени он потратил на то, чтобы купить и положить... А сколько трудов и нервов доставило, чтобы довести это всё сюда... И тут на ум пришла фраза, вычитанная где-то: «Тот не храбрец, кто думает о последствиях». Действительно... не храбрец и не надо много думать. Тревога рассеялась, голова стала проясняться. Да и это изречение добавило внутренней уверенности и правоты в собственных действиях. Действительно, почему? Почему виновные в случившемся могут спокойно ходить по земле и греться под этим солнцем? Почему они живут, а он нет? Почему его сын лежит под слоем земли в полной темноте и ничего не видит?!

Он поднял голову, и последние сомнения улетучились в одно мгновение. Поднялся, крепко взял сумку и уверенно направился к конечной цели. «Не закрывайте, пожалуйста!» – крикнул он выходящему из подъезда мужчине. «Я в гости, сюрприз хочу сделать», – прошептал он стоящему у двери и шагнул в проём. Дверь неспешно закрылась за его спиной, шаг сделан и отступать он уже не будет...

Поезд ехал из Сибири в Сибирь. А точнее из западной в восточную. Был конец лета, последние августовские денёчки. А на улице стояла такая жара, что египетские курорты могли позавидовать. Выпущенные ещё в СССР пассажирские вагоны днём напоминали сауны, и люди потихоньку превращались в варёную колбасу. Все только пили и гурьбой высказывали на ближайших станциях в ожидании прохлады, но и там их ждало полное разочарование. Ни желанной прохлады, ни внезапного ветерка. Одна радость курильщикам: можно спокойно и не спеша подыметь в наслаждение. Хотя право покурить в тамбуре они купили себе, садясь в вагон. Проводник предупредил их, что купивших лотерейные билеты РЖД штрафовать не будут. Любители никотина, не споря, приобретали и радовались.

Он, как и все, лежал на своей полке, пил минералку и периодически ходил в туалет намочить полотенце. Разговоров ни с кем не вёл, на вопросы старался не отвечать и интерес к нему со стороны его попутчиков скоро пропал. Хотя последним очень хотелось поговорить с кем-то. Пожилая семейная пара, видимо впервые побывавшая на отдыхе в Турции, в который уже раз рассказывала в подробностях о прелестях пансионата и сервисе обслуживания. И о том, как летели обратно на Боинге, и как их трясло при посадке в аэропорту. Да ещё про женщин, которые ездили с их точки зрения со всем не отдыхать, а... переспать с турками. И это не

скрывали от своей группы. Мужчина это рассказывал с такой мерзостью и обидой в голосе, что невольно все принимали его сторону. При этом, увидев, что мобильный телефон поймал связь, всё норовил звонить своим друзьям и родственникам, рассказать им про отдых и жутко расстраивался, когда связь обрывалась... Речь его была настолько громкой, что уже половина вагона знала эту историю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.